

Моск. комсомолец, 1941, 17/II

НА БАЛУ УДАЧИ

Второй сезон в Театре имени Моссовета существует «театр в фойе», спектакли которого начинаются в десять часов и идут без антрактов.

Недавно «театр в фойе» показал премьеру — пьесу В. Лентонова, написанную по книгам воспоминаний знаменитой французской певицы Эдит Пиаф. Это четвертая постановка, осуществленная в театре имени Моссовета талантливым молодым режиссером Борисом Щедриным.

Игровая площадка лишена закулисного пространства, актеры выходят на нее через зал. Это как бы помост ярмарочного балагана, где стоят два стола, три стула и большая вешалка. На вешалке шляпы, шарфы, зонтики — аксессуары будущего представления. Мы сразу принимаем «условия игры» — то, что драматическое повествование о незаурядном даре и безнадёжно исковерканной жизни артистки разыграют нам ее истинные коллеги, уличные комедианты: дочерью таких артистов была сама Эдит Пиаф, и парижские задворки служили ей первой эстрадой.

В основу постановки положен интересный прием. В пьесе очень много действующих лиц, но в спектакле занято только во-

семь актеров, причем четверо из них играют по одной роли, а все остальные — от очень ответственных до бессловесных, чье сценическое существование исчисляется секундами, — поделены между другими четырьмя. Это молодые артисты Н. Богданова, Ю. Беркун, В. Бутенко и А. Ленюков. Молодые? Да нет, зрелые, сложившиеся артисты. Грим в спектакле не применяется, и лишь перемена какой-либо детали костюма — чаще всего шляпы — указывает, что перед нами новый персонаж. Впрочем, актеры переключаются из образа в образ с такой завидной четкостью и легкостью, что, не будь этих деталей, мы все равно не спутали бы одного персонажа с другим.

Стихия ярмарочного зрелища, балагана (не в ругательном, а в первоначальном, демократическом значении термина) вообще близка Б. Щедрину: ею же была обусловлена и стилистика его великолепного режиссерского дебюта, спектакля «Театр Гарсиа Лорки». Видимо, помимо всего прочего, сказала и творческая «наследственность» режиссера: Щедрин — ученик Ю. А. Завадского, а прославленный мастер советской сцены тонко чувствует этот аспект театра...

Но достоинство постановки не в том, что зритель с удовольствием «дегустировать» изысканно-наивные приемы ярмарочных лицедеев. Оно в том, что выразительные средства остаются именно средствами, не становясь самоцелью, что в результате приводит к огромному эмоциональному воздействию: с какого-то момента об этих выразительных средствах просто забываешь и с удвоенным вниманием следишь за сценой происходящего.

И тут пора сказать о самой сердцевине спектакля, так сказать, о его взрывной волне. Она — в исполнении главной роли, роли Эдит Пиаф.

На подмостки выходит актриса в простом, но элегантном черном платье. В ее внешности нет ничего общего с Эдит Пиаф, кроме маленького роста. Садится. Подчеркнуто бесстрастно начинает читать по книге строки из мемуаров певицы. Публика слушает все внимательнее... И происходит нечто поразительное: мы одновременно видим и Эдит Пиаф, и ее исполнительницу — Нину Дробышеву.

Материал пьесы чрезвычайно труден: текст роли занимает около семидесяти процентов всей пьесы, актрисе приходится на

протяжении всего спектакля оставаться на сцене. Нужно показать изменения возраста героини — от подростка, почти девочки, до больной, измученной, старой женщины (в последние годы жизни Эдит Пиаф выглядела лет на двадцать старше своего действительного возраста). Эту сторону роли Дробышева проводит безукоризненно: снявшие в начале спектакля глаза гаснут, звонкий голос делается все более резким и усталым. Неуклюжие, угловатые движения юной Пиаф по мере развития действия сменяются более плавными, а к финалу становятся до дергаными, то безнадежно вялыми. Не менее блестяща и внутренняя техника актрисы: мы воочию видим самые тонкие и сложные душевные движения Эдит Пиаф. В этой роли Дробышева продемонстрировала большой неподдельный темперамент, привнес в него некий надрыв, характерный для французской певицы, но абсолютно не свойственный ни одной предыдущей роли самой Дробышевой.

При этом актриса остается верна поэтике постановки, прочерчивая с трудом уловимую, но четкую грань между собою и воплощаемым персонажем: несмотря на максималь-

ную эмоциональную отдачу, даже на настоящие слезы в некоторые моменты спектакля, мы ни на секунду не думаем, будто перед нами не Дробышева, а сама Эдит Пиаф, но совершенно непрерываемо убеждаемся в том, что Пиаф была именно такой, какой нам ее показывает Нина Дробышева.

«На балу удачи», — может быть, сама Пиаф, озаглавив так книгу мемуаров, не до конца понимала, сколько горькой иронии заключено в этих словах! «На балу удачи», выражаясь прозаичнее, «повезло!» А если бы не повезло? На уличную певицу обратил внимание владелец кабака Луи Лепле (его роль с большим изяществом и человечностью играет заслуженный артист РСФСР Б. Иванов), дал ей дебют у себя в кабаке, сделал сенсацией Парижа... Ну, а если бы Лепле в день первой встречи с юной Эдит прошел по другой улице — что бы с ней стало тогда? Наверное, так бы и пропала среди подонков на площади Пигаль... Над нею взял «творческое шефство» поэт Раймонд Ассо, благодаря ему из забавного для публики курьеза она превратилась в настоящего художника... Ну, а если бы не Ассо? Опять площадь Пигаль?

Невеселый же бал удачи у Эдит Пиаф! А тут еще невообразимая цепь огромных потрясений и травм в личной жизни, страшная нервная нагрузка...

Все это показано в фойе Театра имени Моссовета с исключительной яркостью. Мы видим всю «траекторию жизни» выдающейся актрисы: подъем, спад, погружение Пиаф в «чистую» стихийность как в жизни, так и в искусстве, и... губительность такой «чистой» стихийности для жизни и для искусства.

Мы еще не отметили двух участников спектакля. Скупое и сдержанное, но с большой внутренней силой и обаянием играет роль Марселя Сердана Л. Евтифьев. Взысканно воплощает бескорыстный энтузиазм Раймонда Ассо А. Адоскин; ему можно сделать лишь один упрек — он читает стихи не так, как обычно читают свои произведения поэты...

Но это, конечно, мелочь. Главное же — то, что мы присутствовали на балу большой удачи Б. Щедрина, Н. Дробышевой и всех занятых в спектакле. Но это удача закономерная, рожденная ясностью их идейных и творческих позиций. Счастлив художник, каждая последующая работа которого оказывается в чем-то шагом вперед по сравнению с предыдущей.

В. РОГОВ.